

В. И. Покровский

**Денис Иванович Фонвизин. Его жизнь и
сочинения**

Сборник историко-литературных статей

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Покровский**
Денис Иванович Фонвизин. Его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей / В. И. Покровский – М.:
Книга по Требованию, 2016. – 186 с.

ISBN 978-5-517-97913-1

ISBN 978-5-517-97913-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Памяти Фонвизина, *Бильбасова*. — Характерныя для Екатерининскаго времени лица, выведенныя въ комедіи „Бригадиръ“, *Варнеке*. — Темныя стороны русской жизни XVIII вѣка въ комедіи „Бригадиръ“ по ея типичнымъ представителямъ, *Ивинова*. — Стародумъ и Правдинъ и ихъ отношеніе къ просвѣтительнымъ идеямъ, XVIII вѣка, *ею же*. — Вопросъ о воспитаніи въ комедіи Фонвизина „Недоросль“, *Варнеке*. — Педагогическія, нравственныя и политическія убѣжденія Фонвизина, *Пятковскаго*.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стран.</i>
Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Фонвизина, <i>Жданова</i>	1
Памяти Фонвизина, <i>Билбасова</i>	33
Фонвизинъ, какъ представитель новаго направленія вѣка Екатерины II. <i>Дудыш-кина</i>	47
Идеаль нравственнаго достоинства человека по понятію Фонвизина, <i>Галахова</i> . .	56
Какое содержаніе давало для комедіи времени Екатерины II? <i>Дудышкина</i>	73
Образованность русскаго дворянства въ XVIII столѣтіи, <i>Романовича-Славатин-скаго</i>	75
Содержаніе и построеніе комедіи „Бригадиръ“ Фонвизина, <i>Дудышкина</i>	81
Характерныя для Екатерининскаго времени лица, выведенныя въ комедіи „Бри-гадиръ“, <i>Варнеке</i>	92
Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Бригадиръ“ въ связи съ бытовой обста-новкой и особенностями общаго положенія, <i>Малинина</i>	101
Порочныя и добродѣтельныя лица комедіи „Бригадиръ“, <i>Караулова</i>	105
Темныя стороны русскаго жизни XVIII вѣка въ комедіи „Бригадиръ“ по типичнымъ ея представителямъ, <i>Иванова</i>	109
Зажиточная дворянская семья Екатерининскаго времени и та почва, на которой родились и росли недоросли, <i>Ключевскаго</i>	110
Комедія Фонвизина „Недоросль“, ея содержаніе и построеніе, <i>Дудышкина</i>	129
<u>Идея</u> комедіи „Недоросль“ и ея значеніе, <i>П. Вяземскаго</i>	136
Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Недоросль“ въ связи съ бытовой обста-новкой, <i>Малинина</i>	142
Порочныя и добродѣтельныя лица комедіи „Недоросль“, <i>Караулова</i>	152
Стародумъ и Правдинъ и ихъ отношеніе къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка, <i>Иванова</i>	157
Вопросъ о воспитаніи въ комедіи „Недоросль“, <i>Варнеке</i>	159
Литературная характеристика Фонвизина, <i>Галахова</i>	161
Педагогическія, нравственныя и политическія убѣжденія Фонвизина, <i>Пятковскаго</i> . 176	176

Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Фонвизина.

Фонвизинъ Денисъ Ивановичъ род. въ Москвѣ 9 апрѣля 1745 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 1 декабря 1792 г. Родословныя росписи рода Фонвизинныхъ начинаются именемъ Петра Володимерова, титулуемаго барономъ. „Въ царство великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца, какъ онъ, великій государь, воевалъ Лифляндскую землю, взялъ въ плѣнъ Мечиносящаго братства брата Петра барона Володимерова сына Фонвизина съ сыномъ его Денисомъ и иныхъ того же честнаго братства шляхтовъ; и даны имъ въ Московскомъ государствѣ помѣстья многія въ разныхъ городахъ и служили они великимъ государемъ въ нѣмецкой вѣрѣ“. Въ 1653 г. внукъ Петра Фонвизина Юрій Денисовичъ перешель въ православіе, принявъ при этомъ имя Аѳанасія. Внукъ этого Юрія Аѳанасія Денисовича — Иванъ Андреевичъ, отецъ автора Недоросля, служилъ сначала въ военной службѣ, потомъ перешель въ гражданскую, занявъ мѣсто члена ревизіонъ-комиссіи; въ 1774 г. онъ вышелъ въ отставку, умеръ въ 1786 г. 68 лѣтъ отъ роду. По свидѣтельству своего знаменитаго сына, Иванъ Андреевичъ „былъ человекъ большого здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтити себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ, читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно Древнюю и Римскую исторію, Мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ“. О матери своей Катеринѣ Васильевнѣ (рожд. Дмитріевой-Мамоновой) Фонвизинъ вспоминалъ, какъ о женщинѣ умной, доброй и трудолюбивой. „Вторая супруга отца моего, а моя мать“, читаемъ въ „Чистосердечномъ признаніи“ Фонвизина, „имѣла разумъ тонкій и духовными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолубивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная“.

Первоначальнымъ образованіемъ Фонвизинъ обязанъ отцу. Образование было, конечно, скромное: ребенокъ выучился грамотѣ, знакомился подъ руководствомъ отца съ церковнославянскимъ языкомъ. „Какъ скоро я выучился читать“, рассказываетъ Фонвизинъ, „такъ отецъ мой у крестовъ (т.-е. при молебнахъ и другихъ домашнихъ

богослуженіяхъ) заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно!!... Отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая, я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны“. Учителей иностранныхъ языковъ у Фонвизина не было.

Въ 1755 г. открытъ былъ Московскій университетъ и при немъ гимназія. Одними изъ первыхъ воспитанниковъ, поступившихъ въ гимназію, были братья Фонвизины: Денисъ и Павелъ. Научное преподаваніе въ университетской гимназіи оставляло желать очень многого. „Учились мы“, говоритъ Фонвизинъ, „весьма безпорядочно, ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой — нерадѣніе и пьянство учителей“. Несмотря однако на недочеты въ ходѣ учебнаго дѣла, Фонвизинъ съ благодарностью вспоминалъ о своихъ школьныхъ годахъ. Въ это время обучась по-латыни, онъ „положилъ основаніе нѣкоторымъ знаніямъ“. Тогда же онъ „научился довольно нѣмецкому языку“ и „получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ“. Знакомство съ латинскимъ языкомъ, по словамъ Фонвизина, „пособило весьма къ обученію французскаго“; этимъ языкомъ Фонвизинъ занялся въ концѣ учебнаго курса. Изъ преподавателей своихъ онъ съ особенной признательностью вспоминалъ о профессорѣ Шаденѣ, который преподавалъ логику на латинскомъ языкѣ. Денисъ Фонвизинъ считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ гимназіи: онъ не разъ получалъ награды (въ 1756, 1760 и 1791 гг.); его школьныя сочиненія назначались, вмѣстѣ съ другими лучшими работами, для прочтенія на публичныхъ актахъ. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій юный авторъ старался „показать щедрость и прозорливость Ея Императорскаго Величества, всецѣдой музѣ основательницы и покровительницы“; въ другой работѣ, изложенной на нѣмецкомъ языкѣ, рѣчь шла „о наилучшемъ способѣ къ обученію языковъ“. Объ успѣхахъ Фонвизина свидѣтельствуетъ также его представленіе Ив. Ив. Шувалову. Директоръ университета, съ нѣкоторыми лучшими воспитанниками, отправлялся въ Петербургъ „для показанія основателю университета плодовъ сего училища“. Въ числѣ „избранныхъ учениковъ“ были и братья Фонвизины. Время этой поѣздки опредѣляется двумя указаніями самого Фонвизина: онъ былъ представленъ Шувалову прежде „производства“ въ студенты, а это производство относится къ 1760 г.; въ Петербургѣ московскій гимназистъ видѣлъ на сценѣ комедію Гольберга: „Генрихъ и Пернилла“; первое представленіе этой комедіи по свидѣтельству „Драматическаго словаря“, относится также къ 1760 г.; остается такимъ образомъ признать, что Фонвизинъ былъ въ Петербургѣ въ началѣ этого года именно 1760 г. (по словамъ Фонвизина, онъ и его товарищи ѣздили въ Петербургъ „зимой“). Замѣчаніе Фонвизина о томъ, что во время поѣздки, т.-е. въ январѣ — февралѣ 1760 г., онъ былъ „не старѣе четырнадцати

лѣтъ“ вполне совпадаетъ съ годомъ его рожденія, указаннымъ въ надписи на надмогильномъ камнѣ (3 апрѣля 1745 г.).

Въ Петербургѣ Денисъ Ивановичъ имѣлъ случай видѣть нѣкоторыхъ тогдашнихъ знаменитостей нашего служебнаго, ученаго и артистическаго міра. Онъ былъ представленъ Шувалову. Былъ на куртагѣ во дворцѣ, гдѣ его поразило „вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка“. При представленіи московскихъ гимназистовъ Шувалову присутствовалъ Ломоносовъ. Узнавъ, что Фонвизинъ и его товарищи учились по-латыни, ученый „началъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ краснорѣчіемъ“. Въ домѣ своего дяди Фонвизинъ познакомился съ знаменитыми актерами Ѳ. Гр. Волковымъ и Ив. Аѳ. Дмитревскимъ. Это знакомство оказалось особенно интереснымъ для будущаго драматурга. „Ничто въ Петербургѣ“, говоритъ онъ, „такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду... Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ глубокаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ“.

Въ 1760 г., спустя нѣкоторое время по возвращеніи изъ Петербурга, братья Фонвизины „произведены были въ студенты“. Слушателемъ университета Денисъ оставался два года. Къ этой студенческой порѣ относятся его первые литературные опыты и вмѣстѣ съ тѣмъ его первые литературные успѣхи. Въ 1761 г. Фонвизинъ помѣстилъ въ журналѣ „Полезное Увеселеніе“, издававшимся подъ руководствомъ М. М. Хераскова, переводную статейку „Правосудный Юпитеръ“. Въ томъ же году появился переводъ басенъ Гольберга, сдѣланный Фонвизинымъ по заказу университетскаго книгопродавца; книга эта выдержала нѣсколько изданій.

Во время поѣздки въ Петербургъ московскій гимназистъ убѣдился, „сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ“. Спустя два года (1762), онъ уже могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его „Альзиру“. Этотъ переводъ трагедіи Вольтера не остался незамѣченнымъ, хотя и не былъ напечатанъ. „Переводъ мой Альзиры“, говоритъ Фонвизинъ въ „Чистосердечномъ признаніи“, „сталъ дѣлать много шума и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что, будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ ни въ печать“. Переводъ „Альзиры“, дѣйствительно, былъ несвободенъ отъ нѣкоторыхъ грубыхъ промаховъ, почему Фонвизинъ называлъ этотъ свой трудъ „грѣхомъ юности“ своей. Въ томъ же году, когда переведена была Альзира, напечатана была первая часть русскаго перевода книги аббата Террасона: „Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая“; слѣдующія части книги появились въ 1763 г.

(ч. II), 1764 г. (ч. III) и въ 1768 г. (ч. IV); на первыхъ трехъ частяхъ означено имя переводчика Дениса Фонвизина. Ему же принадлежитъ переводъ „слова“ профессора исторіи I. Г. Рейхеля о томъ, что „науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствахъ“; слово это произнесено было Рейхелемъ въ публичномъ собраніи Московскаго университета 3 октября 1762 г. Въ этомъ же году проф. Рейхель предпринялъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ: „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствій“. Въ изданіи Рейхеля помѣщено нѣсколько переводныхъ работъ Фонвизина: „Изысканіе о зеркалахъ древнихъ“, „Торгъ семи музъ“, „О приращеніи рисовальнаго художества“, „Разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства“. Выборъ переведенныхъ статей сдѣланъ былъ, конечно, по указанію Рейхеля, который съ участіемъ слѣдилъ за дѣятельностью своего даровитаго слушателя. „Не напрасный трудъ имѣлъ господинъ Фонвизинъ въ переводѣ на російскій языкъ книги сея своимъ согражданамъ, писалъ Рейхель по поводу перевода „Сифа“. „Великой благодарности достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ къ распространенію ученія и которыя вообще полезны для свободныхъ наукъ. При столь великомъ множествѣ худыхъ книгъ видно похвальное достоинство переводчика, когда избираетъ онъ нѣчто доброе, полезное и особенное. Что господинъ Фонвизинъ въ разсужденіи сего сдѣлалъ, о томъ общество узнаетъ съ удовольствіемъ. О знаніи его въ нѣмецкомъ языкѣ я весьма увѣренъ, а общество видѣло уже силу его въ російскомъ языкѣ, какъ изъ различныхъ опытовъ, такъ и изъ басенъ барона Гольберга. Можетъ быть, переведенныя имъ на російскій языкъ Овидіевы превращенія будутъ бѣльшимъ доказательствомъ его способности“. Біографъ Рейхеля (Шевыревъ) предполагаетъ, что сближеніе даровитаго студента съ профессоромъ исторіи и нѣмецкой литературы могло имѣть вліяніе и на развитіе сатирическаго таланта Фонвизина: „изъ писемъ Рейхеля къ Миллеру мы могли бы съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что профессоръ своею ироніею и своимъ умѣніемъ схватывать неразумную сторону жизни, свойствами, которыя въ этой перепискѣ сильно обнаруживаются, могъ имѣть отчасти вліяніе на нравственное развитіе геніальнаго комика“.

Упомянутый Рейхелемъ переводъ „Метаморфозъ“ Овидія неизвѣстенъ. Нужно думать, что не дошли до насъ и нѣкоторыя оригинальныя произведенія Фонвизина перваго періода его дѣятельности. „Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ, рассказываетъ авторъ „Чистосердечнаго Признанія“. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острия слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго чело-вѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ

сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей... Меня стали скоро бояться, потому ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя; ругательства: много въ нихъ было сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли“. Для объясненія этого разсказа Фонвизина объ успѣхѣ его „острыхъ ругательствъ“ не мѣшаетъ припомнить, что подобныя, не попадавшія въ печать, сатиры были въ то время въ большомъ ходу. Въ 1764 г. главнокомандующій въ Москвѣ графъ Салтыковъ доносилъ императрицѣ слѣдующее: „Развращенное здѣсь, на Москвѣ, между молодыми людьми своевольство и наглость до такой степени возрасли, что нѣкоторые изъ нихъ... дерзнули по всему городу разсѣять ругательныя сочиненія, состоящія въ каталогахъ на французскомъ и русскомъ языкахъ, въ которыхъ до 300 человекъ и больше, какъ наизнатнѣйшихъ, такъ и прочихъ фамилій, въ томъ числѣ дамы и дѣвицы, не взирая ни на чины ни на достоинства, начувствительнѣйшими выраженіями обезчещены и обижены“. Теперь изъ всѣхъ сатирическихъ сочиненій Фонвизина, носившихся по Москвѣ, дошли только два произведенія, съ вѣроятностію относимыя къ 1762 г.: эниграмма на мнимое величіе (О, Климъ, дѣла твои велики!) и злая сатира въ формѣ басни: „Лисица казнодѣй“. Изъ числа сочиненій, приписываемыхъ Фонвизину, къ этой ранней порѣ его литературной дѣятельности относятъ шуточное стихотвореніе: „Чертикъ на дрожкахъ. Новая быль“.

Въ 1759 г. въ Москвѣ открытъ былъ „россійскій театръ“. По свидѣтельству Штелинга, въ этомъ театрѣ, кромѣ актеровъ по занятіямъ (Троепольскій, Троепольская, Пушкина), играли также „нѣкоторые университетскіе студенты“. Сохранилось преданіе, что лучшими исполнителями изъ числа студентовъ были Як. Пв. Булгаковъ и Д. Н. Фонвизинъ.

По обычаю стараго времени Фонвизинъ рано былъ записанъ въ военную службу; въ 1762 г., оставаясь студентомъ, онъ числился въ спискѣ сержантовъ Семеновскаго полка. Осенью 1762 г.; во время пребыванія двора въ Москвѣ, этотъ „лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержантъ и московскаго университета студентъ“ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ университета и объ опредѣленіи на государственную службу.

Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда желалъ поступить Фонвизинъ, онъ былъ свидѣльствованъ въ языкахъ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ. Выдержавъ экзаменъ, Фонвизинъ поступилъ въ коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина. Ко времени этой службы въ коллегіи относится первое путешествіе Фонвизина за границу. Онъ былъ посланъ съ лентой ордена св. Екатерины къ герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. Порученіе было исполнено удачно. „Тогда былъ я еще сущій ребенокъ“, говоритъ Фонвизинъ, „и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ

првродную остроту, то у Шверинскаго двора не показался я невѣждою. И впрочемъ поведеніемъ своимъ приобрѣлъ я благоволѣніе герцогини и одобреніе публики“.

Въ 1763 г. служебное положеніе Фонвизина измѣнилось: 7 октября этого года императрица Екатерина подписала указъ: „Переводчику Денису Фонвизину, числясь при иностранной коллегіи, быть для нѣкоторыхъ дѣлъ при нашемъ статскомъ совѣтникѣ Елагинѣ, получая жалованье по прежнему изъ оной коллегіи“.

Ив. Перф. Елагинъ занималъ въ это время должность кабинетъ-министра у принятія челобитенъ, а нѣсколько позже (1776 г.) къ этой службѣ присоединена была другая, — завѣдываніе театрами. Въ это время у секретарей Елагина было, конечно, не мало дѣла. Въ 1768 г. приватіе челобитенъ передано было Степ. Фед. Стрекалову. „Дѣла наши“, писалъ Фонвизинъ роднымъ, „снятіемъ дѣлъ челобитческихъ совершенно облегчены, однако я каждый день у Ив. Перфильевича бываю, а сколь это безпокойно, то самъ Богъ видитъ“. Фонвизинъ оставался при Елагинѣ, получившимъ званіе сенатора и удержавшемъ должность „надъ спектаклями главнаго директора“.

Поселившись по мѣсту службы въ Петербургѣ, Фонвизинъ поддерживалъ живую переписку съ родными; сохранились его письма къ отцу и матери, къ сестрѣ Федосѣ Ивановнѣ и къ ея мужу В. А. Аграмакову. Изрѣдка Фонвизинъ пріѣзжалъ въ родной городъ; такъ, въ концѣ 1765 г. онъ пробылъ въ Москвѣ около мѣсяца; въ 1769 г., какъ видно изъ писемъ къ Елагину, прожилъ въ Москвѣ больше полугода. Въ Петербургѣ молодой москвичъ на первыхъ порахъ сильно скучалъ. „Здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ“, читаемъ въ первомъ сохранившемся письмѣ Фонвизина къ сестрѣ (отъ 10 августа 1763 г.). „Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь затѣмъ, что тамъ большая часть солдаты; а съ академіей затѣмъ, что тамъ большая часть педанты“. Молодой человѣкъ искалъ въ знакомствѣ или дружбы или любви. „Однако этого желанія“, говоритъ онъ, „по несчастію не достигаю и ниже тѣни къ исполненію имѣю. Разсуди, не скучно ль такъ жить тому, кто имѣетъ чувствительное сердце“. Мало-по-малу знакомство однако завязалось. Кругъ этого знакомства, насколько можно судить по письмамъ Фонвизина, состоялъ изъ людей чиновныхъ и знатныхъ, среди которыхъ замѣшалось лишь одно имя, выборъ котораго объясняется артистическими наклонностями молодого писателя, — имя Ив. Аѳ. Дмитревскаго, котораго Фонвизинъ называлъ „человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ“. Изъ своихъ сверстниковъ, принадлежавшихъ къ свѣтской молодежи, Фонвизинъ особенно близко сошелся съ Вас. Ал. Аграмаковымъ, своимъ будущимъ зятемъ, служившимъ въ то время въ конной гвардіи, и съ кн. Ф. А. Козловскимъ, служившимъ въ Преображенскомъ полку. „Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество“, писалъ Фонвизинъ объ Аграмаковѣ. Съ кн. Козловскимъ, кромѣ подобнаго же сходства нравовъ, могли сближать Дениса Ива-